

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1844—1868 гг.

ПИСЬМА К В. И. БАКСТУ, М. А. БАКУНИНУ, В. Г. БЕЛИНСКОМУ, С. Г. ВОЛКОНСКОМУ, Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, В. Н. КАШПЕРОВУ, ЭМИЛИЮ КВАНТЕНУ, В. О. КОВАЛЕВСКОМУ, ПЬЕРУ ЛЕРУ, Н. Я. НИКОЛАДЗЕ, РЕДАКТОРУ «MORNING STAR», ПАВЛУ ПРУССКОМУ, ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ (ВЛАДИСЛАВУ МИЦКЕВИЧУ, ЮЛИАНУ КЛЯЧКО И САХНОВСКОМУ), О. Р. СКАРЯТИНОЙ И А. А. СЛЕПЦОВУ

ОГАРЕВ—ГЕРЦЕНУ и Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Публикация Л. Р. Ланского

Публикуемые два письма Огарева написаны во время его заграничного путешествия 1842—1845 гг. Как и в других письмах Огарева этого периода, большое место здесь уделено философским рассуждениям — в частности, Огарев развивает в первом письме из Берлина свою оригинальную и в высшей степени оптимистическую трактовку понятия «резигнация», столь распространенного у «людей сороковых годов» и обычно применявшегося в пессимистическом и фаталистическом значении.

Второе письмо написано Огаревым более чем год спустя, в Париже, перед возвращением на родину. Описывая свою парижскую жизнь, занятия и планы, Огарев сознавался, что не в состоянии был приняться тогда ни за какое серьезное дело.

Еще до получения этого письма Огарева, 3 октября 1845 г. Герцен сделал в своем дневнике следующую запись:

«На первом плане скитанье Огарева и все вести, приходящие об этом скитанье, ибо он сам не пишет. Вера в способность его ко всему прекрасному и высокому не может потрясена быть во мне, но что же в одной возможности, когда же наступит пора дела, что за противуречие между жизнью *gentier**, бесцельной, без занятий, и этими *сагами* симпатии всему прекрасному? Я не только не против заграничной жизни, но допускаю в известных случаях экспатриацию, но не для того, чтоб жить там праздному и проживать все свое состояние пошло,—такое употребление богатства в наше время преступно. Да и такая жизнь за границей — безнравственное бегство» (изд. АН СССР, т. II, М., 1954, стр. 412).

Получив письмо Огарева, Герцен в ответном письме резко осудил дилетантское отношение его к своим литературным занятиям: «...в каждом письме ты пишешь, что принимаешься за работу, что скоро начнешь. Да не забыл ли ты, что 28 ноября 1813 года <т. е. день рождения Огарева> было 32 года тому назад? Да и отчего же необходимо ехать в Берлин, в Москву для того, чтобы *начать* что-нибудь делать? что за географическая зависимость? где судьба бросила, там и работай» (IV, 387—388).

Этот суровый упрек не мог не оказать воздействия на Огарева, отдавшегося по возвращении в Россию разносторонним научным и литературным занятиям.

Письма печатаются по автографам Отдела письменных источников ГИМ (ф. 345, ед. хр. 5, лл. 133—134 и ед. хр. 34, лл. 20—21).

* *рантье* (франц.).

⟨Берлин.⟩ 14 июня ⟨1844 г.⟩

Сат⟨ин⟩¹ еще не кончил письма к вам², а мне смерть хочется писать; ergo, беру это полулистие и продолжаю. Сегодня видел я твоего зятя, профессора!³ Его лицо так мне напомнило Москву, что мне еще пуще захотелось домой. Так напомнило дом Гран⟨овских⟩ и все это странное время, по которого мне просто жаль, о котором я вспоминаю часто с глубокой грустью и живым наслаждением и долго, долго не могу отвязаться от него. В нем я еще сам себе кажусь так молод, душевно молод, свеж надеждами и тепел сердцем, что самые бушевания являюся мне в лучшем свете, чем они, может быть, действительно были. И в них даже было меньше того капризного разгуля от нечего делать, которое меня теснило впоследствии. Тогда было на душе что-то чистое, и хотя профессор и жаловался, что мы тогда мало провели хороших минут, но все же я внутри был счастлив. Едва ли то же чувство повторится. Я предчувствую, что я сделаюсь угрюм в Москве. Но я ношу в себе резигнацию*. Не говорите, чтоб она была в прямом противуречии с жаждой блаженства; от этой жажды я не могу и не имею права отказаться, но готовность всякую горечь перенести спокойно — вот что я называю резигнацией. Вопреки страданиям не усомниться в важности жизни и стремиться продолжать ее стройно, внутренне гармонически — вот что я называю резигнацией. Резигнация есть вера в жизнь, а не бессмысленное склонение головы перед горем и судьбою. Во что же вера? Как во что? В то, что истина правит миром, а не ложь. Этого и довольно для того, чтоб любить жизнь, стремиться к блаженству и не гнущся перед *разочарованиями*.

Что же еще хотелось сказать? Я читаю не книгу, а нечто лучше книги: душу чистого человека, т. е. переписку покойного Станкевича⁴. Как ты, Грановский, я испытываю его благодетельное влияние. Пусть много незрелого, неопределенного (я еще в 1-м периоде его жизни) — но душа так близко говорит душе, что я зачитываюсь.

Писать я собираюсь кое-что. Из всего прежнего, плохо начатого, я вижу, что меня преследует все одна задача, теперь

Ihr naht euch wieder schwankende Gestalten... **

Но

Versuch'ich wohl euch diesmal festzuhalten?... ***⁵

Это-то и не ладится.

Все неопределенно, все не создается. Я не начинаю и думаю. Неужели не скажу? Не выясню себе ничего и ничего не напишу? Жаль будет, потому что страх писать хочется.

Сказать, чтоб не забыть: я справлялся у Ашера об издании Шекспира; он говорит, что переслал к Картену⁶ в Петербург для пересылки Гран⟨овскому⟩ и что если вышереченный корреспондент не переслал, то, вероятно, распродан другим. Ergo, барон⁷ должен написать, сколько у него livraisons ****, чтоб я мог добрать здесь остальные да написать поскорее, а то эдак я и уеду и все не буду знать, сколько livraisons приходится получить от Ашера.

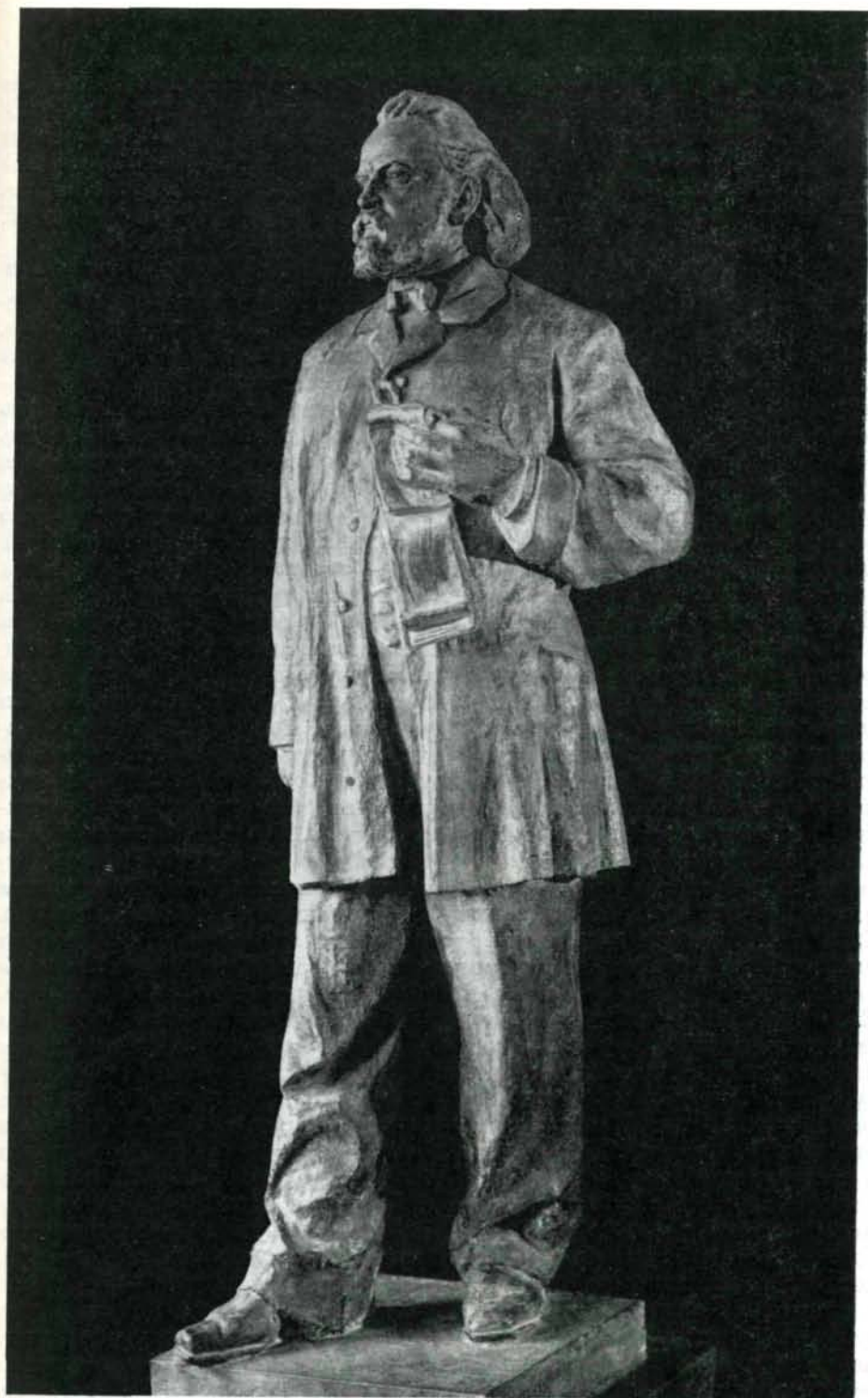
Собрались было мы сегодня на лекцию к Шеллингу, но вследствие моего продолжительного одеванья опоздали; перечли в сенях роспись всех лекций, понюхали и пошли прочь. А у нас с Сат⟨иным⟩ важный идет спор о берлинском духе: он говорит, что пахнет лимбургским сыром, а я говорю, что пахнет г... . Вот уж две недели не можем сойтись на этот

* покорность, смирение перед судьбой (от франц. «résignation»).

** Опять вы приближаетесь, зыбкие виденья... (нем.).

*** Смогу ли я на этот раз вас удержать?.. (нем.).

**** выпусков (франц.).

ГЕРЦЕН

Скульптура (гипс) работы М. И. Мильбергера, 1954 г.

Музей латвийского и русского искусства, Рига

счет. Сегодня Сат<ину> формовали ноги⁸. Я хочу сохранить гипсы для первой выставки художественных произведений. Засим прощайте пока. Выпиваю два стакана № I и ложусь спать. Кстати, у меня на бутылках № I и № II. Ганхен говорит, что это первый и одиннадцатый. Жалко, что я мало занимаюсь ее образованием, просто упрек останется на совести. Еще я сегодня видел хозяйку в рубашке: она что-то искала за пазухой. Препотвратительно.

15 июня н. ст.

Сат<ин> письмо кончил. Засим остается мне кончить и отнести на почту. Начал Сат<ин> с того, что не согласен со мною, а на поверку мы, кажется, и совсем согласны. С ним всегда так бывает. Мы можем три года не видаться или три месяца молчать, а когда свидимся или выскажемся — мы согласны. Наша симпатия имеет глубокие корни, или, лучше, мы ветви от одного корня; ветви могут различествовать наружно, но жизнь в них действует одна и та же, выходит одинакий цвет и одинакий плод. Эх фигурно сказано! а пальпабельно *. Что же касается до судьбы, то беда та, что ей что прощай, что не прощай — она не чувствует. Чувствуем ее в себе мы сами. Она существует настолько, насколько мы ее сознаем. Дело сводится на то, что не прощать ей — значит не верить в разумность общей жизни и проклинать единственно властвующий слепой случай. Прощать (впрочем, это неуместное слово) — значит сносить, сносить частное ради веры в разумность общей жизни, общего духа. Вот мы столкнемся, Александр, на давнишнюю твою вражду с случаем и на давнишнее мое непризнание случая. В общей гармонии есть диссонансы и скорбные тоны, но нет фальшивых тонов. Случай ни с того ни с сего был бы фальшивый тон, не выходящий ни из какого аккорда и не имеющий разрешения. Но едва ли тут не что иное, как только то, что не музыкальное ухо принимает за фальшивый тон не понятый им диссонанс, которому разрешение есть, но ухо его также не умеет уловить. Кто ж виноват? Симфония или слушающий? Да! случай есть диссонанс в жизни мира (извини: музыкальное сравнение мне понравилось). Диссонанс может разрешиться в мол'ный и дур'ный (не то, что дурной) аккорд⁹, в грусть или торжество. Случай разрешится в душе в грусть или торжество, в звук страдания или звук радости, но все же гармонический, а не бессмысленно оскорбляющий звук. Мольный тон объясняет мне прелесть и святость страдания. Его нельзя выкинуть из музыки, не уничтожив музыки; страдания нельзя выкинуть из души, не погубив души. Пусть диссон<ан>сы доводят, смотря по своей натуре, до мольного или дурного аккорда; пусть случай, по натуре своей, разрывает в душе страдание или силу; пожалуй, представь себе всю симфонию непрерывной цепью непрерывно разрешающихся диссонансов и жизнь непрерывной цепью случаев, пробуждающих в душе страдание или блаженство, — но и диссонансы, и печальные и радостные тоны извлекают из общей природы одной и той же вечной гармонии; и случаи, и страдания, и силы вытекают из общей природы одного и того же вечного духа. Случай, так же мало произвольный, своенравный, нелепый факт в жизни, как диссонанс в музыке. Случай — не случай, а столько же разумное явление, как логический вывод. Что ж из всего этого, спросишь ты? Из этого то, что судьбе ни прощай, ни не прощай нечего, а только внешнее выражение судьбы, то есть случай — внутренне, человечески прочувствовать и сознать; и тогда не может быть ни проклятий, ни упадка души. Проклятие не дает силы и не побуждает к действию. К действию побуждает отрицание диссонанса и стремление примирить его в следующем аккорде. Быть может, целая жизнь человека пройдет в этом стремлении примирить противузвучие или противуречия, как

* ошутимо (от франц. «palpable»).

Adagio

Я не люблю войны и победных торжеств
Я не люблю войны и победных торжеств
Я не люблю войны и победных торжеств
Я не люблю войны и победных торжеств
Я не люблю войны и победных торжеств

ПОТНЫЙ АВТОГРАФ ОГАРЕВА

«Песнь пленного индейца». Романс на слова А. И. Полежаева, 1840-е гг.

Страница последняя

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

целые эпохи истории проходят в том же; но есть сила для этого стремления, эта сила — сама натура духа, в которой заключена *harmonia prehabilitata* <!>¹⁰ всей жизни и которая не допускает безвыходных противозвучий.

Вот уж и целая страница чорт знает зачем. Если это только детскость — все же не смейтесь, друзья. Душе хочется вырваться из хаоса, а нет довольно логической силы, чтоб проникнуть и последовательно развить то, что так хочется уяснить себе. Не смейтесь же; обнимемся горячо из глубины души, так, как она любить может, — и простимся до следующего письма. Прощай и ты, моя милая Наташа¹¹, благослови за меня твоих детей. Да скажи мужу, чтоб поскорей писал ко мне, что мне надо от него писем. Addio. Жалею перо бросить: все будто я с вами вместе.

¹ Николай Михайлович *Сатин*, лечившийся за границей; в Берлине и впоследствии в Париже жил вместе с Огаревым.

² Это письмо Сатина неизвестно.

³ *Профессор* — Т. Н. Грановский. «Зять» его (собственно, не зять, а шурин) — Федор Богданович Мильгаузен (1820—1878), окончивший в 1840 г. юридический факультет Московского университета; в 1843 г. он был послан за счет университета для усовершенствования в юридических науках за границу и провел по году в Германии, Франции и Англии. Впоследствии — профессор финансового права в Московском университете. В архиве Грановского сохранилось письмо к нему Мильгаузена от 29 мая 1845 г. из Парижа со следующим упоминанием об Огареве: «Огарев приехал недавно из Берлина и остановился также в Hôtel de la Gironde. Он нездоров и будет здесь лечиться; потом поедет на воды или воротится в Россию, смотря по обстоятельствам. В Берлине он занимался анатомией и слушал Мюллера (Johannes), теперь весь погружается в химию (Dumas). С Вердером он, как и я, не вступал в очень тесные связи; говорит только, что Вердер зимою был болен и не читал лекций» (ГИМ, ф. 345, ед. хр. 3, л. 124 и об.).

⁴ Письма Н. В. Станкевича к друзьям и родным были собраны Н. Г. Фроловым, писавшим в это время его биографию, которая издана не была; рукопись в настоящее время хранится в Отделе письменных источников ГИМ. Впоследствии часть писем Станкевича была опубликована в монографии П. В. Анненкова (1857). Отдельным томом письма вышли в 1914 г.

⁵ Первая и третья строки из «Фауста» Гёте («Посвящение»).

⁶ *Картен* и *Ашер* — книготорговцы.

⁷ *Барон* — дружеское прозвище (барон *упсальский*) Н. Х. Кетчера.

⁸ Н. М. Сатин был болен тяжелой формой ревматизма.

⁹ *Dur* — мажор, *moll* — минор.

¹⁰ Слова «*prehabilitata*» на латинском языке нет, и, вероятно, оно сочинено самим Огаревым, тем не менее значение, которое ему придавал Огарев, совершенно ясно: «предустановленная гармония».

¹¹ *Наташа* — Наталья Александровна, жена Герцена.

2

Париж. $\frac{\text{Ноября } 6}{\text{октября } 25}$ <1845 г.>

Давно я не писал к вам, друзья мои. Всякий день все мы собираемся ехать, но средств ни малейших. Передай поскорее это письмо Алексею Алексеевичу¹.

Ну что ж вам сказать? Я не на шутку скучаю в большом городе, потому что не умею приняться ни за какое дело. Все кажется — зачем приниматься за дело — на той неделе уеду, а между тем все сижу и ничего не делаю. Кое-что пишу, и тогда мне хорошо бывает. Мне кажется, что я опять начинаю попадать на стих и берусь за свое дело. Не думай, чтоб я от этого отстал навек от науки. Это уже перестало быть *Kulminationspunkt* * истины. Но внутри составляется какой-то новый план трудов и исследований, но вообрази себе, что мне кажется, что без тебя и не дома, т. е. не на месте, я ничего не могу делать и не в силах преодолеть бродячести моей настоящей жизни. Хотя бы через месяц или полтора удалось уехать! А то невероятно пусто. Я слышал о химике, с которым ты позна-

* кульминационным пунктом (нем.).

комился, и хотелось бы вместе с вами работать. Из здешних ученых, которых лекций я теперь вовсе не посещаю, но в которых <!> из пределов ограниченной опытности и маленьких теорий один из немецких поэтов², который здесь занимается естественными науками, всего мне ближе по задачам широко развивающейся личности. С ним быть отрада. Здесь мы ограничиваемся самими собою; с французами знакомиться трудно, не зная самые резкие лица из их трудов — как мало охоты знакомиться. С немцами мне лучше было. Мне жаль, что не остался до сих пор в Германии. Вообще, это было для меня полезнее. Мы ничего не делаем и грешим, но все это слишком неудовлетворительно. Бодрости, однако, мы не теряем и дома надеемся жить поосторожнее. Жаль, что уже нельзя будет собирать грибов с бароном, чтоб я сам нахожу полезнее, чем спорить с славянофилами.

А здесь грибов мало и к ним питают презрение, как к существам ядовитым. Какая несправедливость! А я их немало высматривал, живши лето по окрестностям. Зато недавно я был на Океане³, и хорошо мне было. А Сат<ин> ездил в Бареж и почти вовсе не хромает, каков! — Когда я говорю: мы ничего не делаем, — нужно исключить Фрол<ова>⁴, который целый день работает, слушает Беккереля⁵ об электричестве и пр. — Потом что ж еще сказать? Право, ничего такого, чтоб сказать стоило. Мне жаль того времени, когда я мог писать письма на восьми страницах и думать, что говорил много дела. Теперь чувствую, что дельного мало говорил, ergo, надо добиться, чтоб опять придти в такой период, где можно думать, что говоришь дело, даже если и врешь. Тогда я буду писать длинные письма по городской почте, если она заведена в Москве, а говорить я, кажется, охоч попрежнему.

А как хорош парижский туман порой меж волка и собаки⁶, если б вы знали, carissimi! * Если б вы пошли в Jardin des plantes⁷ и посмотрели бы с горы на город. А part l'histoire **, которая делает свое впечатление, но тоны необычайно хороши, какой-то в них свой характер. Я на этот счет напишу стихи и посвящу их Шевыреву или Погодину⁸.

Вас<илий> Петр<ович>⁹ в Испании и влюбился в природу, так и смакует ее. Я рад за него; он оттуда вернется такой свеженький и миленький. Мы трое собираемся домой как можно скорее и все страдаем около сердца, т. е. карманами. Засим прощайте! Спешу передать послание Сат<ину> и потом на почту. — Видел вчера зятя профес<сора>¹⁰, который едет в Лондон. — Да! Я потом писал к профес<сору>¹¹, только письмо послал к моей сестре¹², так ей надо было, а она переменила намерение, взяла да и не отдала, как сама о том известила возлюбленного брата, т. е. меня. Ergo, можешь это письмо у ней взять. Вот вам и все. Дайте руки, скоро обнимемся и запоем, т. е. выпьем, хотел я сказать. Addio!

Рукой Н. М. Сатина:

Здравствуйте, мои милые! Думал обнять вас еще в октябре, а приехавши из Пиреней на три дня, сижу здесь два месяца. Похлопочите, чтобы Огареву выслали скорей деньги, от этого зависит наш отъезд. В Пиренеях мне было хорошо и здоровье поправилось и на душе было светлей. Заглянул в уголок Испании. Здесь опять порою скучно: надеясь на скорый отъезд, ни за что не хочется приняться, да к тому же я трус ужасный: все кажется не по силам, и от неумения себя ограничить труд иногда действительно становится непосилен. Ог<арев> торопит и Фр<олову> хочется приписать. Прощайте.

Рукой Огарева:

Пишите сюда poste restante и Ал. Ал. скажи, чтоб сюда прислать poste restante, что нужно¹³.

* дражайшие (итал.).

** Не говоря уж об истории (франц.).

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Рисунки Э. А. Дмитриева-
Мамонова, 1840-е гг.

Третьяковская галерея,
Москва

¹ Алексей Алексеевич — Тучков.

² Один из немецких поэтов — Г. Гервег. В нежданном письме от 5 августа 1845 г. берлинский знакомый Огарева Г. Мюллер-Стрюбинг писал ему: «Меня крайне удивило то, что ты пишешь о Гервеге. И не столько то, что ты говоришь о его семейной жизни, что она лучше, чище, чем нам ее изображали <...> Больше всего меня удивило то, что ты проникся к нему симпатией. Честно говоря, я ею никогда не проникался. Он был мне приятен, я дорожил его знакомством, но сердечной откровенности, бездумной близости, словом, полной непринужденности, не связанной с условностями и содержанием бесед, этого я никогда не испытывал, общаясь с ним. В его натуре было тогда что-то, — я хочу сказать, чтобы это было понято в самом благородном смысле, — но все же что-то фанатическое, что-то несвободное, что-то риторическое, совсем так же, как в его поэзии» (подлинник на немецком яз. — ПГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 194, лл. 1—2. См. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 744).

³ Огарев некоторое время лечился морскими купаниями в Сен-Мало (Бретань).

⁴ Николай Григорьевич Фролов (1812—1855) — географ, близкий друг Грановского. В ответном письме Огареву Герцен ставил ему в пример Фролова: «Да, вот человек, действительно работающий, вот человек деятельной любви к науке» (IV, 388).

⁵ Антуан-Цезарь Беккерель (1788—1878) — известный французский физик. Возглавлял кафедру в Музее естественных наук в Париже.

⁶ «порой меж волка и собаки» (перевод французского выражения «entre chien et loup») — в сумерки. Огарев подразумевает следующие строки из IV главы (строфа XLVII) «Евгения Онегина»:

(...Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я).

⁷ Jardin des plantes — парижский ботанический и зоологический сад.

⁸ Это обещание посвятить стихи Шевыреву или Погодину имело, конечно, шуточный характер.

⁹ Вас<илий> Петр<ович> — Боткин.

¹⁰ Ф. Б. Мильгаузена. См. примеч. 3 к предыдущему письму.

¹¹ Это письмо Огарева к Грановскому неизвестно.

¹² Сестра Огарева — Анна Платоновна Плаутина. Упоминаемое ниже письмо ее к Огареву не сохранилось. Аннотации других ее писем к Огареву, хранящихся в «спражской коллекции», см. в «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 747—751.

¹³ Огарев ожидал от А. А. Тучкова денег, необходимых для возвращения в Россию.